

бода действий, чем та, которая предоставилась до сих пор и была не только достаточна, но приносила даже пользу тем, чтоставила известные границы. Чем скорее вы приспособитесь сами и приспособите партию к этому изменившемуся положению, тем лучше. И первое, что требуется, это формально не- зависимая партийная пресса. Попытится-то она не- временно, но будет лучше, если вы вызовете ее к жизни при таких обстоятельствах, чтобы она с самого начала находилась под вашим моральным влиянием, а не возникла напрекор вам и против вас».*

РАЗМЫШЛЕНИЯ О ЦИНЬСКОМ ОГНЕ*

То, что происходит в Китае, видят ли можно сравнить к дурному характеру или ошибкам нескольких лиц. Не помогают и ссылки на «мелкобуржуазную» стихию. Категория, с помощью которой объясняются все неожиданные и неприятные события, где и когда бы они ни случились, теряет всякую определенность. Даже если говорить конкретнее, о крестьянстве, бросается в глаза, что индийские крестьяне ведут себя не так, как китайские; индонезийские — не так, как центронесские — и т. п. Наконец, те же китайские крестьяне (и китайские кадры) по-разному вели себя до 1956 и после 1956 года. Видимо, одной фразой, одним определением здесь невозмож но отделаться. Нужен анализ самых различных сторон процесса.

Не претендуя на исчерпывающее решение задачи, хочется, по крайней мере, вытащить из китайского клубка несколько ниток и расстремить их в непротиворечивые модели. Дальнейшая дискуссия, разумеется, углубит и расширит предварительные намеки, — а кое в чем, вероятно, исправит их.

Ниже будут рассмотрены четыре аспекта китайских событий:

1. Психология и логика массовой провинистической историки.

* Соч. т. 38, стр. 441-442.

* «Циньский огонь» — традиционное китайское обозначение событий III в. до н. э. (сожжение книг и закапывание живыми в землю книжников).

2. Превращение марксизма из открытой научной системы в закрытую догматическую систему.
3. Нараствшее отчуждение интеллигенции.
4. Живучесть традиционных факторов китайской истории.

1. Слаборазвитые страны, достигнув независимости, попали в трудное положение. Чтобы резко повысить уровень жизни, нужны капиталовложения и знания — know-how, как правило говорить. Знания и навыки накапливаются медленно, а аппетиты растут быстро. Изолинии традиционных культур — дело прошлое. Кино, радио, газеты рассказывают о сладкой жизни северных стран, и жителям Юга тоже хочется сладкой жизни. Им не легко понять, с каким напряжением швед или голландец работает головой свою 6-8 часов в день (и даже позже — невозможно одним рывком подняться на другой уровень цивилизации), а то, что швед заводит собственный двухэтажный коттедж, сразу понятно, и не только потому — общидно; от информации о чужом богатстве собственная жизнь становится горше, чем в прошлом, когда отцы и деды просто не знали употребления таких вещей, как авторучки и автомобили, и не стремились к ним. С этим можно было бы примириться, если бы уровень жизни быстро повышался, но происходит нечто обратное. Развитые страны движутся дальше, вперед, нарциссская ботатство по 6-8-10% в год, д. «развивающиеся» топчутся на месте, и разрыв между СПА и Китаем, или Индонезиями, или Сирией не уменьшается, а растет. Международная помощь едва покрывает убытки от неэффективного обмена. Демография

фтический взрыв (вызванный вторжением европейской медицины) съедает все результаты экономических усилий: темп роста населения обгоняет темп роста продукции, особенно сельскохозяйственной (построить металлурический гигант или плотину, с помощью иностранных инженеров и техников, сравнительно просто; изменить структуру сельского хозяйства — гораздо труднее).

В итоге, приходится все туже затягивать пояс. Два миллиарда людей обречены историей на покиженную нищету, труд в поте лица своего и почти без вознаграждения, в то время как счастливые северяне (за которых страдали отцы и деды) проводят уикэнд на взморье в собственной автомашине с туристическим прицепом. Лидеры, пришедшие к власти под лозунгом борьбы с колониализмом, должны просить взаймы у своих бывших хозяев и утваривать земляков (ожидающих от них чуда) трудиться и терпеть. А впереди — впереди неутешительная перспектива большого голода семидесятых годов, грозящего охватить полмира. Вторая по величине страна Азии — Индия — уже сейчас не в состоянии себя прокормить...

В этих условиях легко возникают стихийные массовые истерии, погромные движения, направленные против хауса или ябо, тамилов или мусульман, китайских торговцев в Индонезии или инократцев — в Китае. И легко добываются популярности политики, которые сознательно играют на чувствах масс, потерявших равновесие, разжигают националистическую историку, подкармливают народ ненавистью вместо риса (благо ненависть дешевле).

ва — только расхолы на тупографскую краску — а рис дорог).*

В какой-то мере этим занимаются даже «резевые», здравомыслящие националисты, понимающие, что основная задача, стоящая перед ними — строительная, а не разрушительная. Они дозируют шовинистическую демагогию с осторожностью, в качестве опиума для пустых жеалухов, не доводя дела до погромов и внешнеполитических осложнений. Но сохранить чувство меры трудно, особенно лидеру, опьяненному фанатизмом, привыкшему к лести и поклонению. Так, например, в политике Сукарно главное и второстепенное поменялись местами. Экономика разваливалась, государственный аппарат чудовищно разбух, а в политической жизни на первое место выдвигался вопрос о Западном Ириане. Как только голландцы уступили, — срочно был создан новый объект ненависти: началась кампания «сокрушить Малайзию». Погромы книжных магазинов, осада иностранных посольств, засыпка «партизан» на территории соседней страны — все это взывало и накручивало толпу, во главе которой, к сожалению, можно было увидеть отряды коммунистов.

* При этом провинцистическая демагогия обычно переплетается с какими-то религиозными призываами или социалистическими лозунгами, более или менее значимыми в конкретных местных условиях. Следует учесть, что в слаборазвитых странах классовые различия часто совпадают с этническими и национальными, и существует объективная иллюзия возможности вырваться из социальных противоречий, уничтожив того или другого «коэла отпущения».

стической молодежки Индонезии. Наконец, провокаций Унтунга («движение 30 сентября»), поддержанная рядом коммунистов, изменила направление ветра; и кадры, разжигавшие истерику, стали ее жертвами.

То, что произошло в Китае, можно описать как переход от модели поведения рассудительного национализма — к модели безрассудного национализма (в духе некоторых басистов и Сухарно). Объекты истерии другое, разные другие, но сущность движения хунвейбинов и «движения 30 сентября» можно рассматривать как одну и ту же. Это погром, а не революция. Только в Индонезии погром-путы был плохо организован, а в Китае организация — по крайней мере вначале — была получше. Но и в Европе оставались различия между хорошо организованными фанельными шествиями в Берлине и плохо организованными факельными шествиями в Риме, без решавшей разницы в оценке этих событий.

Подводя итоги зиязгам, начертанным псевдореволюционными агрессивными движениями прошлого поколения, можно построить модель «погромной ситуации»,работанной и в Азии: 1) массы выбыты из привычных условий жизни, оторваны от традиций, растеряны, охвачены страхом и отчаянием; 2) образование создало тип полуинтеллигента, специалиста, достаточно просвещенного, чтобы отбросить нравственные табу, и недостаточно просвещенного, чтобы понять дух нравственности, достаточно квалифицированного, чтобы организовать движение, привести его к победе и на какое-то время удержать власть, но недостаточно развитого, чтобы увидеть действительный выход из современных

противоречий и поэтому бросающегося к ложному выходу — к агрессии. Этот тип полон зависти и злобы к подлинной интелигенции, которая спешком много знает; к иностранцам (а того паче — к иностранным), которые спешком много себе позволяют, и к богатым, которые действительно спешком много имеют.* Он близок к массам, он живет массовым страхом и массовой ненавистью и легко становится вождем масс. «Маленький человек», которым все помыкали, находит в нем своего потерянного бога, творит из него кумир — и рушится вслед за ним в бездну бессмыслицы агрессивной войны.

Специфика стран Азии (в рамках изложенной модели) сводится только к их экономической (а следовательно и военной) слабости. У азиатских демагогов нет сил для агрессии гитлеровского рукоюба. Каковы бы ни были планы китайских руководителей, здравый смысл заставил их строить экономику, а не воевать. Мао Цзэ-тунг, утратив здравый смысл, быть может просто выбогтал тайну, которую другие предпочитали хранить.

В стране, население которой скоро достигнет миллиарда человек, гораздо проще создать воинскую промышленность, чем высокий уровень жизни. И кажется более простым силой вырвать то, что очень

* Любопытно, что плутократам, в ходе псевдореволюционных массовых движений, обычно удается отдалиться элиткой. Это справедливо и для КНР: в течение десяти лет здесь истребляют интеллигенцию, в течение года — партийные кадры, но до сих пор щадят буржуа, готовых сотрудничать с режимом.

медиленно дается в результате роста международного сотрудничества.

2. Каким образом повторное агрессивное движение могло возникнуть в стране, принявший на вооружение теорию Маркса и Ленина? Каким образом марксисты могли превратиться в хунвейбунов? В самом ли деле они были марксистами? Что это значит, быть марксистом? Достаточно ли для этого признавать себя марксистом и повторять марксистские лозунги?

Церковь признает христианами тех, кто крещен, ходит в церковь и молится Богу. Но вряд ли можно признать марксистами тех, кто вступил в соответствующую организацию и ходит на собрания. Христианство — религия, к которой можно присоединиться, совершив чисто символические действия; предполагается, что при этом Дух Святой нисходит на крещенного и заменяет понимание Евангелия. Марксизм — наука, и Святой Дух не приобщает к «Гезисам о Фейербахе». Надо их прочесть и понять. А понять Маркса — не так просто. Даже в Европе распространение марксистских идей связано было с известной вульгаризацией их.

Вульгаризация возмущала Маркса. Прочитав изложение марксизма, принадлежавшее перу Лафарга, он восхликал: «Если это марксизм, я не марксист!» Дело было не в каких-либо грубых ошибках. Да-фарг, эзарь Маркса, хорошо зналший его сочинения, не делал грубых ошибок. Но в популлярном издании неизбежно выдвигалось на первый план не самое важное, а самое понятное. Самое понятное часто оказывается банальностью, которая звучала не банально в контексте, в связи с другими мыслями, а

вне контекста, как тезис, как афоризм, превращается в пародию на мысль автора. Стоило ли писать «Капитал», если суть марксизма можно высказать в нескольких фразах: «треходе всего надо есть, пить и одеваться»; «мир надо переделать; «религия — опиум»? Можно ли считать марксистом человека, усвоившего, что «идеализм — дорога к попытии» (Ленин), и не усвоившего, что «умный идеализм ближе к умному материализму, чем глупый материализм»? Я думаю, что материалист, не понявший второй мысли, вполне может быть назван глупым материалистом.* А «услужливый дурак опаснее врага».

В популярном изложении марксизм из открытой научной системы легко превращается в закрытую догматическую систему, из совокупности научных проблем — в совокупность готовых решений. Выписан ответы, к которым пришел Маркс, мы не передаем структуру его мысли. Маркс все время искал новых, лучших формулировок, обрасывал старые концепции и создавал новые. Например, в черновиках письма к В. Засулич он дает совершенно новую концепцию ложкапиталистических формаций, ставя рабовладение и феодализм рядом, на одну ступень (а не друг за другом, как случайно было в Европе, но могло бы и не быть).**

Если отбросить эту научную пытливость, эту нетомическую работу мысли — произведение Маркса превращаются в сборник плакат. Можно их все выучить наизусть — и все же не понять Маркса. Ибо

по каждому серьезному вопросу есть несколько высказываний, не совсем совпадающих друг с другом, и возникает проблема *иерархии* высказываний (в разные годы, в разных контекстах), проблема *интерпретации*, требующая самостоятельного усилия ума.

Даже для того, чтобы понять интерпретацию, сделанную другим, нужен довольно высокий уровень культуры, большая эрудиция. Стоит вспомнить, в этой связи, высказывания Ленина: «Тот, кто не проштудировал всей «Большой логики» Гегеля, не может понять «Капитала» Маркса»,* «нельзя стать коммунистом, не обогатив свою память знанием всех тех болезней, которые создали человеческий ум» и пр. Только в современных высокоразвитых странах, в связи с широким распространением умственного труда, складывается класс, которому это по плечу. В прошлом марксизм был доступен только ограниченному кругу интеллигентов, и марксистский характер русского рабочего движения объясняется не свойствами русского пролетариата, а усилением русской революционной интелигенции, вносявшей в рабочую среду идеи социализма К. Маркса и Ф. Энгельса.

В работе «Что делать?» Ленин пишет об этом с искривляющей полнотой. Он цитирует «глубоко споредливые и важные слова К. Каутского»,** что «социалистическое сознание есть нечто извне внесенное в классовую борьбу пролетариата, а не нечто стихийно из нее возникшее» и прибавляет: «о самосто- ятельной, самими рабочими массами в самом ходе

* Ср. Ленин «Философские тетради».

** Ср. Сборник «Общее и особенное» в историческом развитии стран «Востока», М., 1966.

* Ленин «Философские тетради».

** В. И. Ленин. Соч. т. 5, стр. 354.

их движении вырабатываемой идеологии не может быть и речи». «Это не значит, конечно, что рабочие не участвуют в этой выработке. Но они участвуют не в качестве рабочих, а в качестве теоретиков социализма, в качестве Прудонов и Вейтлингов...»^{*} Стижийно же рабочее движение может развиваться по линии буржуазного тренд-юнионизма*, и «попытка Поповско-Жандармской идеологии»** Образом движением второго типа Ленин считал зубатовское. Следует вспомнить, что фалистических движений в начале XX века просто не существовало. Когда они появились — рабочие оказались и в них. Слово «рабочая» в названии гитлеровской партии — нечистая демагогия. В 1936 году в ГНСРП (Германской национал-социалистической рабочей партии) пролетарии составляли 32%.

Кто же мог внести социалистическое, марксистское сознание в среду китайских рабочих и крестьян? Китайская интеллигенция? Но в какой мере она была знакома с культурными традициями Европы, из которых марксизм вырос? В какой мере китайские студенты двадцатых годов гордились Марксом?

Рассмотрим это на примере двух терминов: «диктатура» и «коммунизм». Случайно ли Маркс, характеризуя революционную власть, выбрал слово «диктатура»? Почему он не употребил слова «деспотизм»? Какая разница между диктатурой и деспотизмом?

Для человека, знакомого с европейской культурой, это очень простой вопрос. Диктатура — чрезвычайные полномочия, предоставленные государствен-

ному деятелю республиканского Рима на короткий срок (6 месяцев), в исключительных обстоятельствах, требовавших сосредоточения власти в одних руках. Диктатура — это деспотизм в рамках демократии, в рамках системы республиканских учреждений, деспотизм, ограниченный духом республики.* Этот республиканский дух, республиканские нравы заставляли диктатора, когда полномочия его истекали, вновь становиться рядовым гражданином. Напротив, деспотизм — это самовластие в условиях культуры, признающей самовластие как норму, не знающей другой власти. Термин «деспотизм» обычно употребляется Марксом с пренебрежительным «азиатским» (традиции, идущая от Могольской).

Как это все перевести на китайский язык? В рамках китайского исторического опыта «ничем не ограниченное наслаждение» может быть понято только как деспотизм и никак иначе. Без европеизированного слова интеллигентии, усвоившего (как это сделала русская интеллигенция) европейские идеалы политической свободы, идея революционной диктатуры неизбежно превращается в идею революционного деспотизма, то есть в традиционную для Китая смену династии, неугодной небу, новой династии, угодной небу.

В характеристиках коммунизма, принадлежащих Марксу, все время повторяется слово «свобода»: «ассоциация, в которой свободное развитие каждого является условием свободного развития всех»; «скажи из царства необходимости в царство свободы» — из II тома «Капитала»: «Царство свободы начинает-

* Там же, стр. 355.
** Там же, стр. 356.

* Поэтому можно говорить о якобинской диктатуре, о революционной диктатуре в 1917-1922 гг.

ся в действительности лишь там, где прекращается рабочая, диктатема нужной и внешней целесообразности, следовательно, по природе вещей оно лежит по ту сторону сферы собственно материального производства... По ту сторону его начинается развитие человеческих сил, которое является самоцелью, историческое царство свободы, которое, однако, может расвестись лишь на этом царстве необходимости, как на своем базисе. Сокращение рабочего дня — необходимое условие».*

Только в связи со всеми этими мыслями может быть правильно понята формула Сен-Симона: «от каждого по способности, каждому по потребностям». Предварительным условием ее осуществления является огромный скачок производства, превращение умственного труда в основную форму общественно-необходимого труда, наконец (на этой основе) — всякий необходимый труд отделяется на второй план и уступает первое место свободной духовной деятельности, направленной не на решение экономических задач (они в основном решены), а на борьбу с отчуждением, на развитие духовной культуры. И в той мере, в которой духовные потребности становятся реальными, человек действительно может получить по потребностям и дать по своим способностям — в этой сфере духовной деятельности, в сфере свободы»**.

Таким образом, коммунизм Маркса — это завершение 2½-тысячелетней истории европейского обще-богатственного движения, истории борьбы за идеал

свободы, выдвинутый древними греками; это дополнение сложившихся идеалов политической и духовной свободы идеалом экономического освобождения, а не отказ от политической и духовной свободы во имя того, чтобы накормить массы, — как учили, в V-IV вв. до н. э., древнекитайский утопист Мо Ди. К сожалению, объяснять все это китайцу, мало знакомому с европейской культурой, очень трудно. В Китае, по крайней мере с V века до н. э., исчезли остатки примитивной демократии, и никогда не было борьбы за свободу, вдохновившей поэтов, музыкантов, скульпторов, вошедших в плоть и кровь образованного евротейца. Никогда китайский поэт не писал бы — как Пушкин Чадаеву:

Пока свободою горим,
Пока сердца для чести живы...
...

Китайцы не горели свободой. Их вдохновляли многие прекрасные вещи, но не свобода. Были идеи чловечности, долга, гармонии, но идеала свободы не было. Идея свободы выражалась неловким книжным сочетанием идеограмм, вошедшими в жи-вую речь только в XIX-XX вв. и только в верхнем слое общества (который у нас часто смешивался с компрадорской буржуазией).* Деревенские граммоты, из которых формировалась кадры партизанских армий Мао Цзэ-дуга, были маркинальными но-ситетами традиционной конфуцианской образован-ностью.

* Это примерно так же верно, как смешение студентов, шедших в авантгарде революции 1905 г., с охотничьими (поскольку и те, и другие — мелкая буржуазия).

* К. Маркс. Соч., т. 25, ч. 2, стр. 386-387.

** См. посмертно опубликованную статью Т. Шенкмана в «Вопросах философии», 1966, № 12.

ности, иначе говоря — маргинальными носителями идеологии восточного деспотизма. И коммунизм, который они усвоили, закономерно приобретал характер коммунизма Мао Ди — Ван Мана (I век н. э.). Это был военный, казарменный коммунизм, коммунизм, установленный мудрыми кадрами при послушном, безропотном народе. Нет ничего удивительного, что реформы Мао Цзэ-дунна развивались примерно так же, как реформы Ван Мана: на первых порах, пока речь шла о подготовке позиций для прыжка — в рамках здравого смысла; затем, когда начался собственно прыжок, — это оказалось какой-то аракчеевской. Деятельность Мао и его коллег в 1949—1956 гг. можно расценивать как прогрессивную, но не более, чем реформы Петра I. Это было прогрессивное самодержавие. Никакой демократии (хотя бы внутрипартийной) и тогда не было (не следует смешивать с демократией коллегиальности).^{*} А следовательно, и социализма никакого не было. «Социализм невозможен без демократии в двух смыслах: 1) нелзя пролетариату совершил социалистическую революцию, если он не подготовился к ней борьбой за демократию; 2) нелзя победившему социализму удержать своей победы и привести человечество к отмиранию государства без осуществленной полностью демократии».^{**}

* Военный совет, на котором участвует Гринев в «Капитанской дочки», был строго коллегиальным. Петровские Министерства назывались коллегиями. Некоторые традиционные китайские учреждения испокон века имели такую же, коллегиальную структуру.

** В. И. Ленин. Соч., т. 5, стр. 128.

Деспотизм иногда бывает прогрессивным. Самодержавие, — как шутли В. О. Ключевский, — лучшая форма правления, если не считать случайностей рождения. Но там, где есть самодержавие, всегда возможен и безумный самодержец. То, что президент к 70-ым годам заболел параличей, а у него жены климакф — довольно банальная вещь, если существует разделение властей и заболевшего деятеля можно отправить в сумасшедший дом. Это становится трагедией, когда воля сумасшедшего — закон, и он превращает в сумасшедший дом всю страну.

3. Говоря о пролетарской революции, пролетарской партии, диктатуре пролетариата и проч., мы частопускаем из виду ленинское определение марксистского движения* как блока революционной интеллигенции и сознательных пролетариев. Марксизм без интеллигенции — это марксизм без Маркса, без Ленина, то есть салоги всмятку. Марксистское движение, опиравшееся (за недостатком пролетариев) на сознательных крестьян, практически невозможно, и мы знаем ряд массовых движений такого типа, победивших за последние годы в слаборазвитых странах Азии и Африки. Но ни одно из этих движений пока не сумело показать убедительный пример строительства социализма. Интеллигентско-крестьянские блоки не только лишены кадров организованного пролетариата; им не хватает также интеллигенции. В очень слабо развитых странах едва набирается несколько десятков интеллигентов, из которых можно сформировать одно правительство-

* В. И. Ленин. Соч., т. 5, стр. 354—356.

во и одну оппозиционную группу (составленную из всех, кому не хватило министерских постов. Ср. борьбу клик в Африке). В таких условиях нечего и мечтать о демократическом общественном мнении, о механизме критики и самокритики. Только интеллигентия, состоящая из лиц творческого умственного труда и имеющая в своем распоряжении действительно свободную социалистическую прессу,* способна создать такой механизм критики и самокритики, вовремя сигнализирующий об ошибках руководства. Характер механизма может быть различным. При Ленине это был механизм внутрипартийной демократии. В некоторых странах Восточной Европы складывается, по-видимому, mechanism многопартийной демократии. Это различие не так важно, важнее другое: практическая свобода слова для социалистической интеллигенции, способной критиковать действия руководства со знанием дела.

В Китае такого рода свобода не сложилась. Коммунистическое движение, попав под удары Чан Кай-ши, вынуждено было отступить из города в деревню. Иначе оно было бы просто раздавлено, и Мао Цзэ-дуну нельзя осуждать за то, что он перешел от классического для марксизма городского движения ко «второму изданью крестьянской войны» (Энгельс). Но уйда из городов, коммунистическое движение ослабило связи не только с пролетариатом, но и с интеллигентией. Упадок интеллигентности превратил коммунистическую партию в своего рода ямынь при победоносном крестьянском взводе

Mao Цзэ-дуне. Этот ямынь иногда мог делать замечания своему начальнику (на такое отваживались и конфуцианские чиновники); но идея забаллотировать Мао Цзэ-дуну была такой же немыслимой, как, скажем, идея забаллотировать византийского императора, выбранного, но самодержавного с той самой минуты, как он взошел на престол (в византийской идеологии это оформлялось снятием с императора, в момент коронации, всех грехов, в том числе смертных, и признанием его равноапостольным).^{**} Аналогичным китайским идеологическим штампом было понятие «мандата неба», автоматически делавшего победившего претендента на престол «сыном неба». Сразу же после крестьянской войны, Мао Цзэ-дун превратился в центр притяжения монархических чувств. И по мере того, как все дальше и дальше шел этот процесс, шел также процесс удаления от урбанизованных, европеизированных, более или менее интеллигентных слоев китайского населения. Агнес Смэдли, в книге «Рассказы о китайской Красной армии»,^{***} передает любопытный эпизод. В начале тридцатых годов Красная армия захватила новый район и, как обычно, предложила крестьянам поделить поместьческий земли. Чтобы показать концепцию поместьческих прав, обычно производилась казнь помещиков — глав семейств. Домочадцев отпускали. Но на сей раз крестьяне не удовлетворились символом (хотя достаточно кровавым) и выразили опасения — не потребуют ли у них землю обратно ученые наследники, когда части Красной армии уйдут. Чтобы накрепко связать судьбу крестьян с

* Ср. статью А. Каждана о византийском самодержавии. «Народы Азии и Африки», М., 1966, № 6.
** Москва, 1935.

* Ср. Ф. Энгельс. Соч. т. 38, стр. 441-442.

судьбой Красной армии, Мао Цзэ-дуну позволил себя уговорить, 3 000 домочадцев (из которых 75% составляли женщины и дети, в том числе грудные) собрали на лугу, и крестьянам предоставили возможность вырезать их. Головы по земле заставили их сделать это. Многие, эпически, сообщает Агнеса Смэдли, умирали до того, как серп или коса перерезали им жилы — таким было это Иродово побоище. В результате отряды Красной армии могли двигаться среди крестьян, — в соответствии с теорией Мао Цзэ-дуна — как рыба в воде. Но городского интеллигентного методы Мао Цзэ-дуну решительно отталкивали.

Положение несколько изменилось в конце тридцатых годов, когда сложился единый антияпонский фронт. Возникло сотрудничество компартии с оппозиционными кругами Гоминдана и другими организациями, в которых группировалась передовая интеллигенция. Это сотрудничество сохранилось в ходе гражданской войны (1945–1949), и в известной мере — после победы, до 1956 года. Внутрипартийной демократии почти не было, но существовала известная возможность диалога с малыми партиями, хранившими демократические традиции в европейском смысле этого слова. Кроме того, существовал диалог в мировом коммунистическом движении, в рамках которого китайская компартия иногда подвергалась критике.*

К сожалению, линия на возрождение ленинских

* Мы отвлекаемся от вопроса, всегда ли были правы критики. Процесс взаимного обмена опытом сам по себе важнее, чем отдельные оценки, верные или не верные.

норм партийной жизни, принятая XX съездом КПСС, и последовавшие затем события в Польше и Венгрии испугали Мао Цзэ-дуна. В 1957 году был предпринят эксперимент «ста цветов». Интеллигенцию пригласили высказать свои критические замечания на страницах партийной печати. Было напечатано много дальних дискуссионных статей. Но через шесть недель последовало поразительное по своему приизму разъяснение, что лозунг «пусты цветут сто цветов» — уловка: «чтобы отрубить гидру голову, надо выманить ее из логова» (Мao Цзэ-дун).

Интеллигентов, которых «выманили из логова», заставили в самых уникенных выражениях каяться в своей идейной порочности и связях с американской разведкой, а потом направляли в деревню, говоря крестьянам: «Попыдите на него! У него большие руки. Он никогда не работал. Он пневматил вас. Заставьте его хорошенько поработать!» После этого можно было не заботиться об охране и надзоре. Старшую профессоршу некуда было бежать, и крестьяне охотно выпиливали из него способность к критическому мышлению. Этот «процесс перевоспитания интеллигенции» длится девять лет, и в течение девяти лет кадры, которые сейчас стали жертвой хунвейбинов и цаофаней, усердно выполняли указания своего вождя.

Таким образом, критика внутри страны была пресечена, а критику из-за рубежа перестали слушать. Мао Цзэ-дун стал решать задачи социального развития, направляемый скорее страхом утратить авторитет, чем разумом. Рационализм политическая программа, основанная на более или менее трезвом анализе фактов, уступила место казарменной утопии. Результаты были плачевными. 93% стали, выпущенной в ходе «скакачка», оказалось браком.

Начался голод. Мао, так сказать, был почтительно отстранен (или сам устранился) от управления экономикой, но ему по-прежнему предоставилось руководство в области идеологии, и продолжалась правля интеллигенции, и по-прежнему ухудшались отношения с другими коммунистическими партиями. Дальше начала действовать психология деспота, которую можно изучать на любом примере (Цинь Ши-хуанди, Иван Грозный и проч.). Деспот не в силах прямо и просто признать сделанную ошибку. Если он покаялся — на завтра последует казнь свидетелей покаяния. Чем больше сделанная ошибка, тем легче заметить ее, тем сильнее подозрительность. До 1956 г. были подозрительны только старые, некоммунистические интеллигенты. Потом под удар попали коммунистические интеллигенты, — писатели, критики. Потом даже испытанные кадры партийных руководителей не могли избежать подозрений. Не существует китайской стены, изолирующей критическую мысль. Всегда человек, даже самый преданный, самый дисциплинированный, может усомниться. В глубине души деспот сам сомневается в своей правоте, и поэтому у него ни к кому нет веры (разве только к собственной жене — и то надолго ли?). Появляется желание отрубить косойду мыслящую голову. И партийные кадры, в течение девяти лет помогавшие строить плаху, сами стали подниматься на нее. История еще раз показала, что террор против интеллигенции, в конце концов, губит или, по крайней мере, резко ослабляет) режим, начавший его, уничижает его собственные кадры.

Чем меньше свободы критики, — тем больше ошибок. Чем больше ошибок — тем сильнее подозрительность, сильнее страх разоблачения. Чем сильнее террор — тем сильнее террор. Чем сильнее террор — тем меньше возможности для кротушки, тем больше простора для ошибок. И так — до безумия, до попытки создать какую-то особую администрацию взамен вавашей в сомнении. Администрацию евнухов в период Мин (XIX-XVII вв.), администрацию оправдников Ивана Грозного, администрацию хунхунейбинов и цзаофаней. Это не борьба с бюрократизмом, как некоторые европейцы ложно полагают, а традиционный экспесс азиатского деспотизма. Столкновения между деспотом и бюрократией входят в норму самодержавия. Иногда аппарат саживает самодержца, иногда самодержец истребляет часть аппарата, чтобы заменить зазнавшихся ведьмож более послушными кадрами. Ни деспотизм, ни бюрократизм от этого не терпит убытка.

4. В разделах 1-3 мы несколько раз уже наталкивались на традиционные черты китайской общественной культуры. Но мы не фиксировали на них внимания, рассматривали их как частный случай более общей модели слаборазвитой страны с пережитками добруженских общественных отношений. Теперь, напротив, выдвигнем специфически китайское на первый план и взглянем на современные китайские события как на очередное звено китайской истории, протекающей как бы в вакууме, вне мирового процесса поисков некапиталистического пути развития. Это условность, конечно, но условность полезная. Она даст нам возможность лучше разглядеть те факторы, которые мешают Китаю строить социализм. Разумеется не может быть и речи о том, чтобы на нескольких странах очернуть все своеобразие китайской культуры. Мы ограничимся характеристикой пяти

нее страх — тем сильнее террор. Чем сильнее террор — тем сильнее возможности для кротушки, тем

аспектов ее: китайского гуманизма, китайского радионционализма, китайского демократизма, китайской идеальности и китайского интернационализма.

КИТАЙСКИЙ ГУМАНИЗМ

Китайская культура — наименее религиозная на свете. Конфуцианство, наложившее огромный отпечаток на всю историю страны — скорее гуманистическое, чем религиозное течение. Когда ученик спросил Конфуция, — как служить духам? — тот ответил: «Мы не знаем, как служить людям, откуда же нам знать, как служить духам?»

Человек стоит в центре конфуцианского мировоззрения. Никакой бог, дух или другое высшее существо не отвлекает от служения человеку. Но конфуцианский человек никогда не находится в «ионизированном» состоянии, не становится независимой единицей. Он всегда только узел семейной и государственной цепи, только часть молекулы. Учаче говоря, человек, стоящий в центре конфуцианской культуры — это еще не свободный человек. Конфуцианскому сознанию близко понимание человека как совокупности общественных отношений, но совершенно непонятно «бесконечное развитие богатства человеческой природы как самодель» (Маркс). Это можно иллюстрировать еще одним диалогом Конфуция с учеником.

«Каковы условия хорошего правления (т. е. благоденствия)? — спросил ученик Конфуция. Тот ответил: «Народ должен быть сыт; должна быть достаточно армия; должно быть доверие народа к правительству».

Без чего из этих трех вы легче всего могли бы обойтись? — не отставал ученик. «Без армии! — ответил Конфуций.

А из оставшихся двух? — «Я предположу, что останется без пищи. Испокон века люди умирали, но без доверия к правительству государство рухнет».

Европейский гуманизм, вероятно, ответил бы: «Я предположу, что останется без доверия к правительству». Для него (по крайней мере, в теории) обществом есть совокупность индивидов, каждый из которых имеет неотъемлемое право на жизнь и счастье. Китайский гуманизм даже в теории исходит из государства как организма, имеющего право покреповать любым числом своих клеточек-людей.

Так же своеобразен китайский гуманизм в частной жизни. Женщина (человечность) часто определяется как любовь. Но это не любовь независимой личности, основанная на свободном выборе. Это любовь детей к своим родителям, младшего брата к старшему и проч. Это любовь внутри семьи (и внутри государства, мыслимого как семья). Кроме семейных, существуют еще дружеские связи, но отношения, основанные на свободном выборе, никогда не выдвигаются в центр жизни. Ни одна священная книга в Китае не сказала: «Ча оставил человека отца и матери и да привлечется к жене своей» (это совершенно концептуальная, безнравственная идея, с китайской точки зрения). Ни одни поэт не воспел китайскую Францеску да Римини, нарушившую спутнический долг, или хотя бы китайскую Джульетту, бросившую родителей ради Ромео. Права личности распоряжаться своей судьбой китайский гуманизм никогда не признавал. Конфуций утверждал право личности развивать свой интеллект, свои

чувств, но не поступать по своей воле. Человек обязан был любить своего отца, старшего брата, государя. За это его обязали будут любить дети и подчиненные. Европейское сознание акцентирует связь любви и свободы, китайское — связь любви и долга.

Таким образом, странное поведение китайских партийных организаций, сочетающих браком своих членов по решению общего собрания, не должно удивлять (хотя автор «Происхождения семьи, частной собственности и государства», вероятно, был бы очень удивлен коммунистической фразеологией, привыкшейся к этому патриархальному обычаю). Низовые организации КПК просто унаследовали традиционные права большой семьи.

КИТАЙСКИЙ РАЦИОНАЛИЗМ

Часто приходится читать об исключительном рационализме китайцев. Это довольно спрavedливо. Религии, основанные на потустороннем блаженстве, никогда не получали в Китае распространения. Многие китайцы верили в духов, но не верили в бессмертие за гробом, и если просили у духов бессмертия, то бессмертия в чисто физическом теле. Один император даже скончался раньше времени, усиленно прикладывая элексир бессмертия, изготовленный даосскими шарлатанами.

Массовые религии в Китае всегда хилиастичны, то есть основаны на обещании Царства Божьего на земле. Иначе говоря, это нечто среднее между религией и утопией. Немного упрощая ситуацию, можно сказать, что китайское сознание не религиозно,

а утопично. Оно исходит из утопии доброго правления (при легендарных императорах Яо и Шуне), и так как реальные императоры обычно не жалели народа, то всегда находились охотники поднять «кулак во имя гармонии и справедливости» (самоназвание и-хэ-маней, «боксеров»). Это — психологическая предпосылка бесчисленных китайских восстаний. Индийские крестьяне подвергались не меньшему угнетению, но они рассчитывали на жизнь за гробом и мирно умирали с голodom.

Из всего этого, однако, не следует, что традиционное китайское сознание ближе к современному европейскому сознанию, чем индийское. Китайский рационализм совершенно не похож на европейский. В европейском сознании рационализм и индивидуализм — тесно соприкасающиеся понятия, почти синонимы. В китайском сознании это почти антиподы. В истории Китая рационалистическую форму приобрело не индивидуальное, а «роевое» сознание (если воспользоваться термином Л. Н. Толстого). Напротив, индивидуализм нашел выражение только в заимствовании из Индии мистическом учении, буддизме. Социальные функции китайского рационализма и китайского мистицизма относятся к европейским, как негатив в позитиву. Китайский буддизм, в лучшее свое время, был индивидуалистичен, эксцентричен, склонен к эскалации в духе Пантура и других гротеских героев Ренессанса, отливался богемным стилем жизни и больше всего привился среди поэтов и художников (это буддизм чань, вошедший в моду среди битников под японским именем дзэн). Напротив, китайский рационализм имел чиновничий характер и в сущности выражал собой коллективное «аппаратное» сознание.

С древних пор сложились две формы такого рационализма: конфуцианская и легизматская («легизм» — латинский эквивалент китайского термина «фагъя», школы государственных законов). Конфуцианство вдохновлялось консервативным семейным гуманизмом, уже описанным выше; легизм — антилукмантистическим (даже по китайским масштабам) административным восторгом. Опорой конфуцианства была семья и семейная этика. Государство (по мысли Конфуция) должно было строиться, как идеальная семья. Опорой легизма были наиболее агрессивные формы раннеклассовых государств, практику которых легисты стремились привести в систему, облечь в форму закона. Семья и семейная этика рассматривались как помеха, так же как всяческое развитие личности — интеллектуальное, эстетическое, нравственное. Идеолог легизма, Шан Ян, называл любовь к своим близким, самосовершенствование, искусство, науку, всякие духовные интересы — «черьями, разъедающими государство». Все это отвлекало от беспрекословного подчинения государю и его министрам и от занятый полезным делом — сельским хозяйством и войной. Человек, с точки зрения легистов, настолько редко бывает совершенно общественным существом, что на это нельзя рассчитывать. Надо просто пресекировать его, как скотину. Хань Фэй, последователь Шан Яна, сравнивал подданного с куском дерева в руках ремесленника. Так же, как ремесленник по своему произволу может сделать колесо или стrelу, стиская дерево или выпрямляя, — государь, действуя казнями и наградами, превращает своих подданных в любых земледельцев и смиренных солдат.

В период относительно спокойного развития в Китае побеждает конфуциансское учение, с его консервативным патриархальным гуманизмом, и (обычно на заднем плане) какие-либо мистические учения (для эмоциональных натур и для народа, которому учение конфуцианство всегда оставалось несколько чуждым). Но в период, когда на заревают общественные сдвиги, единственной альтернативой оказывается легизм (или нечто вроде легизма, потому что легизм как таковой был осужден после эксцессов династии Цинь).

Всякая группа, обособлиющаяся от государства и иудающим своим путем, рассматривается в Китае как заговор и подавляется. Поэтому новаторское меньшинство не может экспериментировать на своей страх и риск, — с тем, что в случае успеха другие добровольно станут подражать ему (как это делалось в Северной Европе). Меньшинство, желающее обновления страны, должно захватить власть и силой навязать свою волю большинству. А насилие над большинством имеет свою логику, логику административного восторга, на какой-то ступени переходящего в безумие.

Вспомним толстовскую метафору роевого сознания, можно описать Китай как рой, очень организованный и спокойный в своем старом улье. Но в момент смены улья рой становится чрезвычайно возбудимым, поминутно тросящим наброситься на случайного прохожего и искусить его до полусмерти, безо всякой видимой надобности. Это именно состояние китайского коллектива выражается в революциях сверху и снизу, в движущих тайпинов, хунвейбинов и т. п. Китай непременно должен повернуться всем корпусом, «все вдруг», организован-

но, по единой команде. А избыток команд всегда порождает хаос.

Идеология, основанная на постулате личной инициативы, не могла прииться в Китае. Не мог быть полностью личный и марксизм, который снимает крайности индивидуализма, но вовсе не снимает стремления личности к свободе. В Китае нечего было снимать, новое время с его индивидуализмом едва коснулось нескольких прибрежных городов. Марксистская критика буржуазного индивидуализма, воспринятая сознанием, не дошедшем до буржуазного индивидуализма, привела к возрождению добрухузанского мышления (в одной из его самых не-привлекательных форм). Полуконфуцианский Китай, — который Гоминдан не сумел расшевелить, — превратился в Китай легиостокий. Вокхрес дух Шаня и Хань Фэя, Цинь Ши-хуанди и Цао Цао (ранне-средневековых последователей древнего императора).

В течение ряда лет всех хрестоматийных извергов китайской истории реабилитировали, подымали на приводили в пример расслабленным буржуазным (и мелкобуржуазным) гуманистам. И сейчас опора на Маркса и на Ленина постепенно становится пухкой, отступает на второй план. Можно прямо цитировать отечественные источники. Или изрекать новые истинь в том же стиле. Логика администривного восторга, выраженная в словах, сама собой приобретает форму легизма. Мао Цзедун, по-видимому, не вспоминал Хань Фэя, когда сраживал китайского христианина с куском чистой бумаги, на котором можно написать любые, самые прекрасные письмена. Он просто думает, как Хань Фэй, и поэтому ему приходят в голову сходные об-

разы. Точно так же нельзя считать, что современные руководители хуньебинов сознательно подражают легендарным героям Цинь Ши-хуанди и его премьер-министра Ли Сы, скрытая книги. Они просто думают сходным образом, оказавшись в сходных условиях большого социального сдвига. К сожалению, китайская цивилизация способна на сдвиги только в форме вспышек административного восторга, после которых приходится зеками залечивать раны, нанесенные культуре.*

КИТАЙСКИЙ ДЕМОКРАТИЗМ

По крайней мере начиная с периода Тан (VII-IX вв.), любой крестьянский сын, успешно слав экзамены, мог стать первым министром. А при исключительно благоприятных условиях — даже императором (как основатель династии Мин). У китайцев совершенно нет аристократических предрассудков. Но не всякое отсутствие аристократизма есть демократизм. Традиционному Китаю не хватает одной черты, характерной для любой европейской формы демократии (рабовладельческой, феодальной или буржуазной — безразлично); не хватает легальной оппозиции. Китаец, до тех пор пока он не вступает в заговор, даже в мыслях своих не допускает оппозиции. Он может протестовать только против произвола министров, временныхников. Один из достойнейших сановников периода Мин, Цзо Гуандуй, обвинил временногоника-евнуха в бесчисленных пре-

* Ср. В. А. Рубин. Два источника китайской политической мысли. «Вопросы истории», М., 1967, № 3, стр. 70-81.

ступлениях и был за это замушен в тюрьме по приказу императора Гуан-цзяуна. В последнем письме сыновьям, написанном после нескольких недель ежедневных пыток и без всякой надежды на спасение, Цзо Гуан-дюй пишет: «Я испытываю страшную боль и тоску, но я жалею только о том, что мое наполненное кровью сердце не было способно отблагодарить императора» (1825 г.).

Китайское политическое поведение знает только два уровня: безусловная преданность или заговор. Практически эти модели сочетаются, т. е. за оболочкой преданности часто плется паутина тайных обществ и придворных интриг. Когда терпение народа истощается, он всенда находит организацию, готовые возглавить восстание. Находятся и руководители — члены всего из числа кандидатов на государственные должности, невыдержавших экзамены или просто недоучившихся. Эти кандидаты-двоечники возглавляли из века в век многочисленные крестьянские движения, придавая им известную организованность и способность создавать гражданский и военный аппарат (в частности, из двоечников вышел император Тайпинов).

Что касается идеологии, то отчасти она содержит-
ся в конфуцианстве: сам Кун-цы отказался в преданности тирану (не определяя точно, кого считать тираном). Мэн-цы, второй авторитет конфуцианской школы, прямо признавал право народа на восстание. Дополнительным толчком могло быть любое религиозное учение, проникшее в массы и по-
нятное ими хилиастически, т. е. как обещание рай на земле. Тайпины, в XIX в., вдохновлялись плохо понятым христианством; хунвейбины, в XX в., вдох-

новились плохо понятым марксизмом. Результаты одни и те же: хаос.

КИТАЙСКАЯ ИДЕЙНОСТЬ

Для древнего и средневекового Китая характерно было сосуществование нескольких философских и религиозных школ и, по крайней мере, двух принципиально несводимых структур мысли: систематической — и враждебной системе, эссеистической, интуитивно-внезапной, субъективной. Один из последних взлетов эссеистического мышления — поучения Лу Сян-шаня (XII в.). Лу Сян-шань, подобно Сократу, ничего не писал, он просто беседовал с учениками, стараясь помочь им лучше понять самих себя. «Шесть классиков», — говорил Лу Сян-шань — комментируют человека. Зачем же мне комментировать классиков?»

Получения такого типа не годились в качестве руководства к действию, в качестве инструкции для государстенных чиновников. Но они были ценным дополнением к инструкциям, систематическим учениям. Они мешали застыванию китайской мысли. К сожалению, в последние восемь веков имперского Китая тенденция к всеобщемпиопии, окончательной и поэтому мертвой системе оказалась сильнее нон-конформистских течений. Систематическая концепция, созданная (в том же XII веке) Чжу Си, поразила воображение ученых (так же как в XIII веке, в Европе, система Фомы Аквинского, а в XIX веке — система Гегеля). В то же время, Чжу Си покорили и правительственные круги. Дело в том, что независимость Китая находилась в XII веке под сильной угрозой (наступали *ххур-хжени*, захватив-

шие Север, потом Их сменили монголы). И перед лицом опасности Чжу Си призвал к укреплению власти и строгоому выполнению своего долга. При жизни это доставило ему только неприятности, потому что Чжу Си критиковал вельмож, обладавших достаточной властью, чтобы уволить непрощенного советчика. Но вельможки умерли, а книги Чжу Си остались, и благодаря призываам к укреплению власти они стали любимым чтением императоров.

Таким образом, и ученые, и правительственные круги сошлись на том, что лучше Чжу Си не придумаешь. Это создало новую ситуацию. Торжество одной школы дало правительству возможность осуществить задачу, поставленную еще Цинь Ши-хунань, но тогда (в III веке до н. э.) не решенную: создать единий имперский идеологический стандарт. Работать в этом направлении начал основатель династии Мин, крестьянин, ставший императором под именем Тай-цзу (XIV в.), а закончили маньчжуры, в первый век своего господства (между 1650 и 1735 гг.).

Тай-цзу был очень своеобразным политиком. Принадлежа к власти во главе актюмонгольского восстания, он повелел вынести из храма Конфуция табличку с именем Мэн-цзы, решительнее других оправдывавшего восстание против тирана (чтобы другим не повадно было). Скрыная когда-то свою замыслы под одеждой буддийского монаха, он подозрительно относился к монастырям — убежищам новых оппозиционных элементов.* Идеальное влияние буддийских монахов на народ надо было чем-то заменить — и

тут-то впервые появился сборник цитат (из произведений Чжу Си), удобных для чтения нараспех и заучивания наизусть. В дальнейшем династия Мин помирялась с буддизмом, но при маньчжурах, традиционных поклонниках Конфуция, заучивание цитат возобновилось. Император Кан-си (ХVII в.) позабочился о новых изданиях сборника, а император Юн-чжэн распорядил его и под названием «Священного эпикта» сделал основой идеальной обработки масс.

Грамотные китайцы имели право и даже обязаны были, готовясь к экзаменам, читать подлинники. Но, во-первых, подлинники фальсифицировались, из них выбрасывались слишком смешные места, а стальные издания систематически скиждались. Во-вторых, всякая самостоятельная мысль на экзамене означала провал, и фактическими объектами изучения стали не Конфуций и даже не Чжу Си, а образцовые сочинения, соответствующие видам начальства и отмеченные им. Такое воспитание с детства калечило умы.

Отдельные ученыe восставали против произвола цензуры, но никто не протестовал против триединства Чжу Си полным и совершенным выражением истинны, нельзя было оспаривать право и даже обязанность правительства защищать истину и пресекать ложь. Таким образом, ученыe сами создали тень, которая уселилась, как в сказке Е. Шварца, на их место.

«Повелевая вселенной», — писал в 1656 году император Шунь-чжи, — я прежде всего заботюсь исправлять людские умы. А чтобы исправлять людские умы, моя первая забота — изнанть еретические способности». О том же беспокоится император Кан-си

* Один из наследников Тай-цзу велел сводить бонз ко двору, закапывать по шею, голова же голове, и плачи состязались, кто сколько голов отрубит одним ударом. Это называлось праздником голов.

(в 1870 г). «Законы и распоряжения — не единственные мои заботы; на первое место я ставлю преображене людей с помощью идейного воспитания», «Исправление людских умов», «промывание умов», «промывание умов и чистка мыслей» — обычные выражения из документов XVII-XVIII вв., посвященных идеологическим проблемам. Народное образование и наука целиком подчинились этой задаче. «Государство должно содержать ученых не ради простого поощрения литературных талантов, но чтобы воспитывать в народе должное почтение к правителям и порядкам», — писал император Юнчиэн (1723-1735).

Это идеи, на которых, можно сказать, был воспитан Мао Цзэ-дун. Детские годы его прошли до революции 1911 года, и почти наверняка он начал ученье по «Священному эпикту». Сборник притат из произведений Мао Цзэ-дуна, удививший европейских марксистов своей структурой, был простым возвращением к пройденному, к испытанному методам шести веков.

Помимо сознательного расчета на психология логорамотных, известную роль здесь могла сыграть психология самого Мао. Старики легко забывают зрелые годы и вспоминают детство, отрочество, юность. В обычных отношениях между людьми этот процесс встречает сопротивление окружающих и тормозится. Но юнкы, окруженный раболепием и лестью, не встречает никакого сопротивления. Постепенно наносной слой концепций, усвоенных холдными умом, скроется с него, и все чаще всплывают вкусы, пристрастия, прерассудки, связанные с теплыми воспоминаниями детства. Этим напоминающие воспоминания не всегда определяют лексику Мао

(в выборе слов человек больше контролирует себя), но они почти целиком определяют структуру его мысли. Он думает о себе, как о марксисте — но имперский марксизм* означает просто заявку на мировое господство, ничем по сути дела не отличающуюся от притязаний Тай-цзу или Кан-си.

КИТАЙСКИЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗМ

С известной точки зрения, китайцы всегда были интернационалистами. Они не составляют нацию в европейском смысле этого слова, то есть цивилизованную этническую индивидуальность, сознавшую себя чем-то особым наряду с другими индивидуальностями. Китай сознавал себя просто как цивилизацию (Поднебесную, Срединное царство), окруженную варварами. Варвары могли цивилизоваться, то есть усвоить китайскую цивилизацию; в этом случае они стали бы не цивилизованными тибетцами, или цивилизованными вьетнамцами, а просто китайцами.

Состояние некитайской цивилизованности всегда рассматривалось китайцами как промежуточное, несовершенное. И если на престоле Китая оказалась воинственная династия, соседним народам пытались помочь стать настоящими людьми, такими же, как все остальные поданные сына неба. Это представление так прочно вошло в китайские голо-

* Термин, который мы предлагаем внести по аналогии с имперским конфуцианством (идеологическим штаплом, созданным из конфуцианских изречений, в отличие от учченого конфуцианства).

бы, что даже в 1950 году, когда руководство КНР, вообще говоря, с большим вниманием относилось к советскому опыту, Тибету был предоставлен только статут автономного района (а не союзной республики). То же относится к Синьцзяну. Идея равенства тибетцев или уйгуров китайцам выглядит для второй (относительно тибетцев можно даже сказать: исклонительно богатой), не имеет значения. Современные китайцы, потомки бесчисленных племен и народов, поглощенных Срединной империей, считают, что их судьба почетна для каждого. Китай так же чужд понимания безусловности этнической индивидуальности, как и безусловности личности.

В настоящее время администрации КНР настытенно оканчивает Синьцзян и Тибет, переселяя туда миллионы китайцев и усиленно поощряя смешанные браки. Примерно таким же образом вышло бы всемирное социалистическое содружество под руководством председателя Мао. К счастью, планы председателя еще очень далеки от исполнения.

5. Подводя итоги, хочется предупредить против ошибки, сделанной монхенами в тридцатые годы. В общем, они знали, что Гитлер собирается напасть на Францию, но исходили из того, что это неправильно, не должно быть и поэтому не будет, если с Гитлером хорощенько поговорить. Есть две формации, капитализм (Запад) и социализм (СССР). Гитлерская Германия — часть Запада, вариант капи-

тализма (пусть несколько беспокойный вариант), и конфликт двух вариантов одной формации не может, не должен быть таким глубоким, как конфликт между принципиально разными формациями. Логически монхены рассуждали правильно, но история их оставила в дурakaх. Задним числом можно заметить, что они допустили одну теоретическую ошибку. Разница между вариантами формации в то-ростеплена (равнительно с разницей между формациями) до тех пор, пока речь идет о разнице путей (скажем, прусского и американского пути развития капитализма). Но совсем другое дело, если приходится выбирать между путем и туликом, между дорогой (пусть более длинной, обходной) и шагом в пропасть.

Сравнительно с туликом, любая дорога — благо. Сравнительно с шагом в пропасть, любая обходная тропа — спасение. На основе этого и возникла антигитлеровская коалиция. Когда один из жильцов сходит с ума, все соседи (в том числе плохо ладившие друг с другом) соединяются, чтобы связать буйнопомешанного.

Можно возразить, что современный Китай очень слаб, и агрессия его беспасна. Это верно. Но если семена, посеванные нынешним поколением китайских руководителей, взойдут, наприм. детям придется покинуть тяжелую жатву. И нужно очень многое, чтобы предупредить ее: меры предосторожности — против уже сложившегося очага агрессии, и продуманный план помоцни слаборазвитым странам, чтобы не дать им дойти до отчаяния, и продуманный план диалога с китайским народом... Обо всем этом нужно думать и думать.